

Право или злоупотребление?

Год от года, все более четко прослеживается тенденция к возрастанию социальной значимости экономических преступлений: это и невыплаченная заработная плата, и обманутые дольщики, и неисполненные решения судов. Ни для кого не секрет, что рынок «псевдоюридических» услуг насыщен предложениями: «банкротство позволяет сменить генерального директора и топ-менеджеров, очистить организацию от долгов, вывести имущество предприятия, сменить бизнес и организационно-правовую структуру» (цитата).

К сожалению, как показывает практика, правоохранительные органы не готовы к противостоянию подобного рода нарушениям как разновидности экономической преступности на уровне, адекватном существующей угрозе обществу. Готова выслушать оппонентов, которые возражат: вывели активы из одного общества в другое – это свобода экономической деятельности, а где же тут преступление? Любая свобода ограничена правами других лиц. В частности, это право работников на вознаграждение за труд, права лиц, пострадавших от действий юридического лица на возмещение причиненного ущерба, права контрагентов на исполнение обязательств. В «Декларации прав человека и гражданина» (1789, Франция) свобода человека трактуется как возможность «делать всё, что не наносит вреда другому».

Именно заявления лиц, права которых нарушены и выводят эти преступления «из тени».

При этом, необходимо констатировать, что на сегодняшний день латентность экономических преступлений удобна многим, в том числе и отдельным представителям правоохранителей, которые не могут (или не хотят?) противостоять хорошо финансируемому и отлаженному механизму, балансирующему на грани закона, в том числе уголовного: между правом и злоупотреблением им.

Приведу пример, чтобы не казаться голословной. Длительное время обманутые дольщики обращались в органы полиции с заявлением о неправомерных действиях руководства одного ЗАО, выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, однако реальных проверочных мероприятий, направленных на установление истинных обстоятельств

Л.Ю. Зыкова

Начальник отдела по надзору за исполнением законов в экономической деятельности управления по надзору за соблюдением федерального законодательства прокуратуры Нижегородской области, старший советник юстиции

неправомерных действий бывшего руководства ЗАО, в ходе процессуальной проверки не проводилось. Только после изучения имеющихся материалов и их анализа, проведенного прокуратурой области, организована дополнительная проверка, которая привела к возбуждению уголовного дела.

Так, своевременно не дана оценка действиям руководства предприятия, направленным на вывод имущества и денежных средств должника при наличии признаков банкротства. Согласно кассовой книге ЗАО за 31.12.2010 приход денежных средств от соинвесторов (физических лиц) составил 144,7 млн рублей. Из указанной суммы из кассы предприятия 31.12.2010 работникам из числа руководителей ЗАО выдано по расходным ордерам 119,4 млн рублей. Из них Ч. получено 53,9 млн рублей, З. – 39,1 млн рублей, С. – 16,7 млн рублей, Ф. – 5 млн рублей, С. – 4,7 млн рублей. Согласно выписке из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним ЗАО принадлежало 62 квартиры в г. Н. Новгороде. При этом указанные объекты не были отражены на балансе предприятия. Вместе с тем, квартиры в 2008 году реализованы по договорам купли-продажи. Согласно сведениям бухгалтерского учета общая сумма, полученная ЗАО от реализации квартир, составила 51 млн рублей. Согласно представленным Управлени-

ем Росреестра по Нижегородской области справкам, общая сумма заключенных договоров купли–продажи 50 из них составила 82 млн рублей. 12 оставшихся квартир реализованы по договорам купли–продажи на общую сумму 14 млн рублей. Таким образом, сумма неоприходованных денежных средств ЗАО от продажи квартир составила более 45 млн. рублей. Объекты недвижимости также реализованы по договору купли–продажи и по договорам отступного.

Разве можно назвать подобные действия реализацией права? Почему правоохранители, вынося постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, этого не увидели?

В связи с этим, основная задача государства – сформировать закон и юридическую практику таким образом, чтобы каждый правоприменитель, в том числе и тот, чей непосредственный экономический интерес затрагивает злоупотребление правом, четко понимал грань, отделяющую хозяйственный риск и законные методы повышения рентабельности производства и минимизации налогов от уголовно–наказуемого деяния. И определенные шаги в этом направлении сделаны.

Пределы осуществления гражданских прав установлены ст.10 ГК РФ: не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах. В случае несоблюдения этих требований, суд может отказать лицу в защите принадлежащего ему права.

Пунктом 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.04.2009 № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» установлено: исходя из недопустимости злоупотребления гражданскими правами (пункт 1 статьи 10 ГК РФ) и необходимости защиты при банкротстве прав и законных интересов кредиторов по требованию арбитражного управляющего или кредитора может быть признана недействительной совершенная до или после возбуждения дела о банкротстве сделка должника, направленная на нарушение прав и законных интересов кредиторов, в частности направленная на уменьшение конкурсной массы сделка по отчуждению по заведомо заниженной цене имущества должника третьим лицам.

Федеральный закон от 26.10.2002 N 127–ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) дополнен главой III.1 «Оспаривание сделок должника». Законодательством введено по–

нятие «подозрительные сделки» – это новая категория оспоримых сделок, которые ранее не были известны отечественному законодательству, в том числе о банкротстве. Подозрительной законодатель называет сделку, совершенную должником при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной сделки, а также сделку, совершенную должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов. Таким образом, выделено два вида подозрительных сделок: подозрительная сделка по признаку неравноценного встречного предоставления (п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве); подозрительная сделка по признаку цели причинения вреда кредиторам (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве).

Следовательно, законодатель сделал шаг от презумпции добросовестности предпринимателя к защите прав и законных интересов других лиц: начиная от кредиторов, заканчивая работниками и государством в лице уполномоченного органа.

Однако, это не явилось ключевым обстоятельством, способным переломить сложившуюся практику сложности уголовного преследования. Тревогу вызывает тот факт, что сложившаяся в различных регионах практика привлечения к уголовной ответственности, характеризуется небольшим количеством приговоров и мягкостью наказания.

В чем основная сложность выявления и расследования экономических преступлений?

Я вижу ее в различии материальной и процессуальной составляющей. Если материальная составляющая находится в сфере гражданско–правового регулирования, так как диспозиции уголовных статей экономических преступлений, как правило, бланкетные и отсылают к гражданскому, диспозитивному законодательству, часто основанному на принципах, например, «добросовестности и разумности», то процессуальная составляющая находится в плоскости уголовной, не допускает неопределенности, и это противоречие часто сильно осложняет процесс доказывания.

Принцип субъективного вменения, главенствующий в российском уголовном законодательстве, когда доказыванию подлежит, в том числе и умысел, сложно увязывается с категориями добросовестности и разумности. И преследующий только свои цели конкурсный управляющий в некоторых случаях при реализации процедуры банкротства, обязанный в соответствии с законом действовать добросовестно и разумно, продавая на торгах огромный завод единым имущественным комплексом за чисто номинальную цену, тоже ссылается на то, что действовал во благо

рабочих, не получающих заработную плату. Доказать его личную заинтересованность крайне сложно, хотя каждый понимает, что альтруизм в данном случае – не побудительный мотив. Поэтому в доказывании экономических преступлений особую роль занимает доказывание субъективной стороны. «Доказывание злого намерения со стороны несостоятельного должника представляет необыкновенные затруднения, лишаящие всякого значения само юридическое орудие защиты» (Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2003, С.273).

Наличие объективной стороны состава преступления возможно в двух формах: 1. при совершении определенных действий нормы материального права не нарушены. Например, общество, в соответствии с требованиями устава и с соблюдением необходимой процедуры общество перечисляет денежные средства по договору займа в предприятие, которое вскоре банкротится и имущество переходит к его кредиторам. Умысел на изначальный вывод имущества из общества недоказуем.

2. при совершении определенных действий нормы материального права нарушены. Например, при наличии явных признаков банкротства, вопреки требованиям законодательства и устава общества, ликвидное имущество решением единолично генерального директора выводится в подконтрольную структуру, одним из учредителей которой является, его сын, а оплата по сделке производится векселями со сроком погашения в 2025 году. Казалось бы, состав преступления налицо. Однако, при доказывании умысла возникает труднопроверяемая версия о том, что имущество не приносило прибыли, а влекло убытки в связи с необходимостью уплаты налогов, дороговизной электроэнергии и т.д. Судебная перспектива дела даже в этом случае туманна, что же говорить о классических случаях, когда решение об отчуждении имущества принималось коллегиальным органом (в лучшем случае – советом директоров, а то и общим собранием акционеров), и индивидуализировать и доказать умысел крайне сложно.

Если бороться сложно, то возможно ли предотвратить?

Полагаю, что это единственный реальный механизм обеспечить защиту гражданских прав.

С целью предупреждения фактов незаконного отчуждения имущества организаций, отвечающих призна-

кам банкротства, и обеспечения эффективной защиты прав кредиторов, органы прокуратуры Нижегородской области осуществляют проверки исполнения требований ст. 9 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» руководителями предприятий–должников в части своевременного исполнения обязанностей по обращению с заявлениями в арбитражный суд при наличии обстоятельств, свидетельствующих о необходимости возбуждения процедуры банкротства. В области уже несколько лет существует практика привлечения к административной ответственности руководителей по ч. 5 ст. 14.13 КоАП РФ. Это препятствует накоплению задолженности перед бюджетом.

Кроме того, представляется целесообразным мониторинг снижения налогооблагаемой базы по налогу на имущество, что может свидетельствовать о выводе имущества с целью своевременного инициирования проверок в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ.

Новые подходы к организации прокурорского надзора, связанные с ограничениями полномочий прокурора в арбитражном и гражданском процессе, законодательное смещение акцентов на активизацию саморегулируемой составляющей экономических институтов, приводят к пересмотру целей и задач органов прокуратуры. Задача органов прокуратуры в современных условиях видится в том, чтобы выявлять и пресекать преступные действия и административные правонарушения, осуществлять надзор за государственными органами, осуществляющими контрольные функции, координировать усилия правоохранительных и контролирующих органов.

Любое новое дело сложно начинать. Это касается и уголовного преследования тех, кто путем реализации сложных экономических схем выводит многомиллионное имущество в подконтрольную структуру, используя как вексельные схемы и недобросовестную эмиссию, так и откровенный подкуп чиновников, голосящих за принятие тех или иных решений от имени государства. Сложно возбуждать незнакомый состав, сложно направлять дело в суд, не зная, как сложится судебная практика. Однако боязнь оправдательного приговора – не основание для бездействия правоохранительных органов, только работая, направляя качественно расследованные дела в суд, можно сформировать судебную практику, на которую впоследствии можно опереться. ■